

Б.И. Карипбаев*

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: karipbaev@mail.ru)*

Знание, наука, университет в координатах информационной агрессии (опыт социально-философского дискурса)

В статье автор подвергает социально-философскому анализу современное состояние науки в условиях информационного бума, роль университетского образования как модели универсальной институции. Исследует природу знания и его соотношение с информацией. Предлагает осмысление параллелей: «знание–информация», «знание–мудрость», «знание–наука». В таких исследовательских координатах происходит осмысление важности современного понимания смысла, роли, статуса знания в условиях современной информационной диверсии. Автор оценивает знание через две его универсальные характеристики — универсальность и безличность, что позволяет знанию существовать долго и прочно встраиваться в мировоззренческую систему человека. Большое внимание в статье уделено вопросу историчности знания, его зависимости от тех исторических декораций, в которых оно возникает, существует и утверждается. Автор отмечает как важнейший атрибут его имперсональность, в отличие от мудрости, которая больше носит аксиологический характер. Для подтверждения своих авторских позиций в статье проанализирована научная позиция Лиотара, сторонника функционализма, концептуализирующего социум в качестве машины. В рамках тематического пространства статьи автор обращает внимание на основные функции университетского образования в современном мире, его особую роль и ответственность в формировании научной картины мира и получения универсального знания. Автор убежден, что выработкой метакогнитивных комплексов и должен заниматься университет в XXI веке. К сожалению, сегодняшние университеты в Казахстане ограничиваются лишь подготовкой специалистов, которые являются заложниками своих профессиональных навыков и, как правило, не позволяют более широко, панорамно взглянуть на мир.

Ключевые слова: наука, университет, знание, информация, аксиология, образование, мудрость, истина, универсалия, социум, личность.

Введение

В качестве эпиграфа этому разделу было бы уместно предпослать риторическое вопрошание выдающегося английского поэта XX века Томаса Стернза Элиота: «Где та мудрость, которой не стало в знаниях? Где те знания, которых не стало в информации?».

Кант определял науку как «организованное знание», а мудрость — как «организованную жизнь». Современное общество являет собой амбивалентную картину пестрой хаотичности вместе с ярко выраженной тенденцией к сверхконтролю.

При этом контроль не обязательно носит открытый характер, скорее, он размещается в области коннотаций, наподобие бартовских импликаций значений в знаковых системах [1; 9].

Продолжая начатую линию ссылок на авторитеты, вспомним также мысль Альберта Швейцера, который отмечал диалектический парадокс соотношения порядка и иррациональности: высокий уровень регламентации жизни людей — признак отсутствия разума [2]. Срабатывает логика компенсации: автономный порядок разума замещается гетерономными прескрипциями.

Немаловажным фактором осмысленности является время. Со времен Античности мудрость сопрягалась с размеренностью и неспешностью как условием возможности полноценного осмысления событий. Ускорение социального времени сегодня достигает такого уровня, что, если воспользоваться формулой Ф. Гиренка, «смысл не успевает осесть в головах» [3; 17]. Метафора, несмотря на известную редуцированность, достаточно наглядна и действенна: быстрые потоки информации «влетают в одно ухо» и тут же «вылетают» из другого. Темп продуцирования информации и смены информационных событий столь велик, что сознание не успевает фиксировать и вычленять значимые моменты смысла. В таком исследовательском ключе и происходит научное осмысление чрезвычайно актуальной проблемы, предлагаемое в данной статье.

* Автор-корреспондент. E-mail: karipbaev@mail.ru

Методология и методы исследования

Исследование таких сложных многоуровневых феноменов невозможно, используя только один метод или методологию одной дисциплинарной матрицы. В связи с этим в рамках данного исследования создан сложный методологический комплекс, который позволил, на наш взгляд, достаточно плотно подойти к этой проблеме, оценить ее значимость и актуальность и обеспечить наиболее эффективный подход к ней. Такие сложные, полиструктурные явления как наука, знание, университет требуют и сложного методологического обеспечения и сопровождения. В этом методологическом комплексе присутствует метод историко-логического анализа. Который позволил нам посмотреть на проблему в историческом разрезе, определить роль знания, информации и науки в различных исторических декорациях. Метод системно-структурного анализа дал возможность посмотреть на эти явления с точки зрения внутренней самоорганизации, выявить сложности, трудности в формировании эффективной политики самореализации и присутствия в контексте общественного развития. Важной методологической составляющей в этом исследовании стало использование давно забытого диалектического метода. Этот метод мы использовали при анализе «судьбы» университета, рассмотрели диалектику его развития с первых дней возникновения и заканчивая современным его статусом. Данный метод позволил нам обосновать перспективы развития университетского образования и роль университетов в современной социокультурной жизни. Таким образом, избранный методологический комплекс позволил нам выполнить в полной мере поставленные исследовательские планы.

Обсуждение

Первый принципиальный пункт: невозможность мудрости (подлинно организованной жизни) в современном мире по причине слишком быстрого темпа его движения (нечелoveкоразмерные скорости).

Перейдем к знанию. Примат его социальной ценности начался в Новое Время, но с тех пор также успел порядком устареть.

В отличие от мудрости, знание не обязательно предполагает личное применение к собственной жизни. Напротив, ценность знания как раз и заключается в его имперсональности, то есть объективности.

Знание, которое работает для одного, но не работает для другого, не имеет права именоваться знанием. Атрибуты знания — универсальность (общеобязательность) и безличность (всеобщая применимость).

На примере сравнения мудрости и знания как социальной ценности можно подметить интроверсивную тенденцию (обращенность вовнутрь) древности с ее пониманием человека в качестве микрокосмоса и экстраверсивную тенденцию (обращенность вовне) модерна с его призывом покорения окружающего мира.

Вот почему знание не является достаточным основанием для личного счастья. Будучи лишеным элемента индивидуальности, знание годится лишь на то, чтобы организовать внешнюю сторону жизни.

В этом отношении знание — это нисхождение мудрости, момент ее деградации, ступень, находящаяся намного ниже изначальной.

Можно было бы предположить, что следующий этап развития явит некий синтез, с учетом того, что мудрость — это тезис, а знание — антитезис. Однако спекуляции Гегеля оказались нерелевантны реальному процессу истории [4]. Тенденция распада и дифференциации еще больше усилилась и привела к тому, что и знание оказалось слишком большой, неудобной и соответственно социально невостребованной конструкцией. Следующим этапом деградации стало появление информации.

Таким образом, мудрость, знание и информация находятся друг с другом в отношениях последовательного подчинения: мудрость включает в себя знание, а знание включает в себя информацию. Однако само по себе знание — только часть мудрости, а информация — только часть знания. Другими словами, логику движения истории можно интерпретировать как отход от целостности в сторону частичности.

Само по себе большое количество частей еще не дает целого. Необходима связь, которая организует все части в единое. Таковую связь может обеспечивать система смыслов и ценностей в виде религии, идеологии или философии. Но если непредвзято посмотреть на современность, мы увидим, что подобного рода связь отсутствует, а многочисленные части множатся и мультиплицируются, или,

если воспользоваться медицинской метафорой Бодрийяра, пролиферируют как раковые клетки в организме [5].

Подводя предварительный итог, мы можем заключить, что судьба знания в эпоху информации — это забвение.

Вместе с забвением знания происходит и то, что Хайдеггер называл «забвением Бытия», поскольку именно знание несет и хранит в себе идеальное измерение культуры [6].

Со времен Ницше [7] и Ортеги-и-Гассета [8] мы знаем, что характер оценки явления — это вопрос перспективы, с позиции которой мы на это явление смотрим. Поэтому важно понимать, что негативная оценка современности, которая красной нитью проходит через весь XX век — это не единственная точка зрения, пусть даже она озвучивалась и озвучивается выдающимися мыслителями.

Не все теоретики склонны порицать те сдвиги и изменения, которые произошли в обществе и культуре. Например, Лиотар полагает, что все недопонимание ситуации современности (постсовременности?) вытекает из привычки мыслить органицистскими понятиями, которым продиктованы такие характеристики, как: цель (телос), развитие, самоосуществление, целостность, единство и т.д.

Но во второй половине XX века в мире произошли столь мощные усложнения общественных практик, что традиционные теоретические оптики, наподобие гегельянства или марксизма, перестали быть релевантны.

«Невозможно скрыть того, что социальная основа принципа разделения, классовой борьбы исчерпала себя... Марксизм свелся к выступлениям протеста за достоинство человека во имя человека или разума, или творчества, или еще такой социальной категории, наделенной *in extremis* невозможными на сегодняшний день функциями критического порядка, как третий мир или студенческая молодежь» [9; 137].

Фиксируя два переломных фактора (информатизацию и закат метанарраций), Лиотар отказывается не только от методологии марксизма, но и от ценностей Просвещения, поскольку в послевоенный период постепенно исчезли социальные группы (силы), которые могли бы артикулировать и отстаивать идеологию гуманизма.

Альтернативой органицистскому (гегельянскому, марксистскому) рассмотрению общества Лиотар считает функционализм, концептуализирующий социум в качестве машины.

В отличие от организма, машина не развивается, то есть, не переходит на качественно иной уровень, она просто наращивает собственную эффективность и продуктивность.

Сравнивая общество с кибернетической машиной, работающей на информации, Лиотар указывает на две основные задачи социума: сохранение своего статус-кво и интенсификацию внешних параметров деятельности. Именно это мы и видим в современном консьюмеристском обществе, не предлагающей никаких новых концепций жизни, кроме увеличения и диверсификации способов и продуктов потребления.

Если в гегельянской и марксистской интерпретации противоречие понималось как необходимый момент развития, его движущая сила, то в парадигме функционализма противоречие означает лишь бессмысленный антагонизм, угрожающий целостности общественной системы.

В связи с этим, по мысли Лиотара, должна поменяться функция знания. Отныне ей не следует быть инструментом критики нарастающего отчуждения (в духе франкфуртской школы), ей лучше стать средством гармонизации различных дискурсов, нарративов и языковых игр. В противном случае нас ожидает распад системы, вызванный растущим уровнем системной энтропии.

Ограничиваясь в своем анализе социологическим измерением знания, Лиотар оставляет в стороне собственно гносеологию. Поэтому его аргументация касательно трансформации статуса знания строится вокруг понятия легитимации.

По Лиотару, знание легитимно настолько, насколько оно соответствует принятым в обществе метанаррациям. Со времен эпохи модерна главные метанаррации — это гуманизм и Просвещение.

Гуманизм — метарассказ об эмансипации человека, превращении плененного внутренними и внешними обстоятельствами индивида в свободную индивидуальность.

Просвещение — метарассказ о том же самом, только в масштабах всего человечества.

И если раньше социальные институты играли роль средств для достижения высокой цели (освобождение личности, освобождение человечества, переход из царства необходимости в царство свободы, создание идеального или близкого к идеалу общества), в постмодерне, согласно Лиотару, человек становится сырьевым придатком для воспроизведения работы социальных институтов.

Вот почему кардинально меняется смысл и направленность высшего образования. Это больше не формирование национальной элиты, которая будет возглавлять общество на пути движения к освобождению; это формирование компетентных «винтиков» для обслуживания общества-машины в виде различных специалистов.

Второй принципиальный тезис этого параграфа: в современном обществе университет ориентирован не на идеалы, а на компетенции; он создает не элиту, а специалистов (хотя даже специалист звучит слишком претенциозно, скорее — компетентные кадры).

Сегодня слово «компетенция» стало зонтичным термином, который пронизывает различные дисциплинарные сферы, но особенно — педагогику и философию образования. Мало кто помнит, что именно Лиотар ввел это понятие в широкий оборот.

Под «компетенциями» Лиотар понимал так называемое знание-юзус, которое, в отличие от традиционного научного знания, свободно от критерия денотации. Напомним, что дискурс науки — это высказывания об окружающем мире, которые подтверждаются различными способами верификации. Но в любом случае имеет место денотация — отнесение смысла высказывания к предмету внеязыковой действительности. Другими словами, высказывания науки относятся к порядку окружающего нас физического материального мира. Соответственно, высказывания о нематериальных явлениях, таких как вера, смысл, ценности, привычки, традиции, не могут в полной мере считаться научными. Тем не менее существуют своего рода знания, которые регламентируют сферу ненаучных высказываний. Это сравнимо с тем, что поздний Витгенштейн называл «языковыми играми».

В работе «Философские исследования» Витгенштейн приводит следующие примеры языковых игр:

- отдавать приказы и подчиняться;
- обсуждать событие;
- сочинять истории и читать сочиненное;
- играть на сцене;
- петь хороводные песни;
- отгадывать загадки;
- придумывать шутки и делиться ими;
- спрашивать, благодарить, бранить, приветствовать, молить» [10; 78].

Лиотар для описания подобного рода языковых практик использует понятие «знание-юзус», или «компетенция».

Таким образом, по мысли Лиотара, то, что раньше находилось в ведении семьи, детского сада и, отчасти, школы, сегодня должно стать приоритетной задачей университета.

Знание-юзус призвано создавать широкое поле языковых практик для всех слоев социума с целью легитимации гетерогенных дискурсов и нарративов, что находит воплощение в плюрализации общества, появлении все большего числа различных субкультур, демаргинализации угнетённых групп и т.д.

Сегодня более популярным, чем слово «компетенция», стало выражение «soft-skills», которое означает так называемые гибкие навыки коммуникации: умение работать в команде, уравновешенность, коммуникабельность и т.д.

Обратим внимание на то, что суть «soft-skills» заключается в обеспечении гармонизации коммуникации между участниками социального процесса, что в точности идентично мысли Лиотара о назначении знания-юзуса.

Остановимся подробнее на причинах, стоящих за ростом популярности «soft-skills».

Западная культура имеет своей самой существенной чертой — индивидуализм. Согласно определению Большой Советской энциклопедии, «*индивидуализм* — это тип мировоззрения, сутью которого является в конечном счёте абсолютизация позиции отдельного индивида в его противопоставленности обществу, причём не какому-то определённом социальному строю, а обществу вообще» [11; 112]. Другими словами, первенство в западной культуре отдается персональной, а не коллективной идентичности.

В свете сказанного выше становится понятен генезис «soft-skills». Они являются выражением роста значимости отдельного индивида в системе общественных отношений.

Итак, знание, его форма и социальный статус, функции и назначение изменились коренным образом. Прежде являвшееся всего лишь компонентом в корреспондентной теории истины (истина — это соответствие знания объективной реальности), ныне знание становится все более антропологизи-

рованным, то есть, в большей степени направленным на удовлетворение (чаще всего эмоциональных) нужд человека, нежели на отображение объективного порядка вещей.

Важно при этом отметить, что в современном обществе мнение большинства основывается не на рациональных принципах аргументации, а на эмоциональных принципах коммуникации. Можно сказать, что критерием истинности знания становится эмоциональное отношение к нему (если знание нравится — значит оно истинно; если не нравится — значит не истинно).

Можно вспомнить шутливую (но, как мы знаем, в каждой шутке есть доля шутки, а все остальное — правда) формулу женской логики, выведенной математиком А.Н. Колмогоровым: «Если из А следует В, и В приятно, то А — истинно» [12].

Отдавая себе отчет в текущем положении дел и вещей, необходимо со всей серьезностью поставить вопрос о возможных сценариях развития (деградации?) событий. На наш взгляд, наиболее вероятно осуществление следующих вариантов:

1. Продолжение тенденции дробления и фрагментации знания вплоть до полного исчезновения привычных социальных институтов (прогноз Фуко, писавшего, что «человек исчезнет также как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [13; 19]).

2. Рост фундаменталистских реакций в ответ на растущую сложность (многосоставность) мира (прогноз Сэмюэля Хантингтона, предвещавшего так называемое столкновение цивилизаций «*clash of civilizations*» [14]).

3. Реактуализация знания в качестве метакогнитивных комплексов, увязывающих большие объемы данных в более-менее понятные макрообщности.

Выработкой таких метакогнитивных комплексов, на наш взгляд, и должен заниматься университет в XXI веке.

Тот факт, что общим контекстом современности стала глобализация означает необходимость консолидации сил представителей самых различных областей знания с целью решения глобальных вызовов и задач.

Проблемы глобальных изменений, многие из которых отчаянно нуждаются в решениях, редко попадают в интеллектуальные рамки, традиционно ассоциирующиеся с университетскими кафедрами. Структурные особенности большинства университетов ограничивают их возможности решать проблемы глобальных изменений. Тем не менее опыт и возможности, имеющиеся сегодня в крупных исследовательских университетах, необходимы для этого процесса. Усилия большинства университетов в этой области сдерживаются тремя конкретными ограничениями.

Во-первых, университеты обычно делятся на дисциплинарные области, которые концентрируются на традиционно определенных областях обучения. Кроме того, университеты находятся в конфликте по поводу своего отношения к месту ученых в пропаганде политики. Некоторые преподаватели в некоторых университетах также склонны пренебрегать междисциплинарной работой, считая ее более низким интеллектуальным качеством, чем у строгих дисциплинарных исследований. Для такого крупного учреждения, как современный университет, игнорировать проблемы глобальных изменений просто потому, что они не соответствуют исторической организационной структуре университета, является интеллектуально заброшенным и социально безответственным. Усилия по организации кампусов для содействия преподаванию и исследованиям в области глобальных изменений имеют решающее значение и назрели. Это будет трудный процесс: поиск решений проблем глобальных изменений потребует исследовательских усилий и организационных изменений, соизмеримых с масштабом проблем. Но это процесс, который стоит предпринять. Признавая и устраняя такие ограничения, университеты могут подать пример того, как следует выполнять междисциплинарную работу, сохраняя при этом стандарты качества, необходимые для успеха этой работы.

Проблемы глобальных изменений не укладываются четко в дисциплинарные рамки. Они междисциплинарны по самой своей сути. Такие проблемы требуют, чтобы социальные науки пролили свет на то, почему люди разрушают окружающую среду, биологические науки — для оценки того, как действия человека влияют или влияют на другие формы жизни, а физические науки — для оценки воздействия на землю. Кроме того, определение того, являются ли изменения достаточно серьезными, чтобы оправдать политические действия, и как действовать перед лицом научной неопределенности и противоречивых ценностей, требует суждений, в отношении которых гуманитарные науки имеют значительный опыт. Но университеты, как и другие институты в обществе, разделены на дисциплинарные отделы. Такая организационная структура является громоздкой для решения сквозных междисциплинарных проблем. Из-за своих традиционных структур университетские и дру-

гие ведомственные учреждения, такие как правительственные учреждения, готовы или юридически способны решать только отдельные проблемы глобальных изменений. Кроме того, поскольку связь между академическими департаментами или государственными учреждениями часто ограничена, междисциплинарная деятельность часто далека от координации.

Второе ограничение, с которым сталкиваются университеты, связано с проблемой междисциплинарного качества. Хотя мы вряд ли могли бы поспорить с утверждением, что исследователи всегда должны стремиться к «качеству», следует признать, что качество состоит из оценочных суждений. В университетских условиях качество обычно определяется как характеристика оригинальной работы, которая продвигает дисциплину. Это определение вполне уместно, но слишком узко. Члены академического сообщества, которые определяют качество в соответствии с этим традиционным, узким определением дисциплинарной оригинальности, утверждают, что междисциплинарные программы ставят под угрозу традиционную ценность.

Мы полагаем, что междисциплинарное качество, хотя и существенно отличается от дисциплинарного понятия концепции, интеллектуально столь же жизнеспособно и может быть даже более ценным для общества. Междисциплинарное качество должно обладать оригинальностью, это требование может быть выполнено с помощью инновационного метода объединения материалов из разных областей, а не в рамках одной области.

Материалы из различных дисциплин, необходимые для решения конкретной междисциплинарной проблемы, должны быть объединены оригинальным способом, который помогает улучшить понимание или решить проблему. Все используемые дисциплинарные материалы должны быть актуальными и точными; кроме того, специализированные понятия или жаргон должны быть представлены с большой ясностью, чтобы способствовать междисциплинарному общению.

Последний конфликт, с которым сталкиваются университеты, заключается в роли ученого как защитника. Некоторые ученые считают пропаганду политических изменений или защиты окружающей среды учеными непрофессиональной и даже неэтичной. Большинство ученых считают, что надлежащая роль университета и любого ученого заключается в том, чтобы заниматься поиском информации. «Качество — наш единственный продукт» — типичная цитата, которую можно услышать в хороших отделах. Таким образом, те, кто тратит время на продвижение идей, повышение скорости, с которой работа их дисциплины достигает политического процесса, или обсуждение решений практических проблем, как правило, рассматривается их коллегами как неподходящие или «некачественные». Этот предполагаемый конфликт между учеными и наносит ущерб решению проблем глобальных изменений, поскольку общество и его лидеры все чаще будут спрашивать ученых: «Каковы последствия ваших выводов для окружающей среды и общества, и что мы можем или должны с этим сделать?»

Таким образом, для ученых поиск жизнеспособных решений проблем глобальных изменений требует больше, чем просто стремление к знаниям, но личные ценности при выборе политики всегда должны быть четко отделены от научных оценок в публичных дискуссиях.

Возможным механизмом преодоления структурных ограничений, препятствующих способности высших учебных заведений решать проблемы глобальных изменений, является создание институтов для изучения глобальных изменений. Такой институт в университете будет поощрять, оценивать и поддерживать обмен идеями и информацией между дисциплинами. Это может послужить «безопасным убежищем» для тех, кто ищет междисциплинарные исследования и преподавание в академическом учреждении, предоставляя ученым возможность узнать достаточно о других областях, что, в конечном итоге, приведет к междисциплинарному синергизму, который иначе невозможен.

Выводы

Таким образом, проанализировав роль и значение знания науки, университета в современном мире, мы пришли к следующим выводам:

Институт глобальных изменений в университете должен выполнять пять основных функций:

1. Спонсировать междисциплинарные семинары и симпозиумы по всему кампусу, поскольку крайне важно, чтобы ученые в области физики, биологии и социологии, а также представители гуманитарных дисциплин научились общаться, семинары имеют решающее значение для выработки общего языка для понимания различных аспектов глобальных изменений.

2. Разрабатывать основы учебной программы по глобальным изменениям. Институт мог бы взять на себя ведущую роль в надзоре за отбором и разработкой учебных программ, а также в состав-

лении соответствующего списка текстов или статей по различным дисциплинам. Такая учебная программа могла бы начинаться со сбора учебного материала, доступного в настоящее время в кампусе, и ослабления дисциплинарных требований, чтобы позволить заинтересованным студентам свободно посещать курсы по различным дисциплинам. Однако в долгосрочной перспективе этого механизма будет недостаточно для подготовки специалистов по глобальным изменениям. Поэтому университетам необходимо будет проводить курсы, посвященные глобальным изменениям, объединяя важнейшие материалы из многих взаимосвязанных областей.

3. Стимулировать возможности для междисциплинарных исследований. Институт будет играть важную роль в развитии сотрудничества между людьми из различных дисциплин для решения общих проблем. Первоначально этот тип сотрудничества будет носить предпринимательский и оппортунистический характер, поскольку исследователи из разных областей находят друг друга на семинарах и других мероприятиях, связанных с глобальными изменениями. В конечном счете, институт должен играть более активную и структурированную роль в развитии междисциплинарных команд и проектов. Эти мероприятия позволили бы людям объединить свои знания таким образом, который невозможен при работе над подкомпонентами проблемы в рамках их собственных дисциплин. Институт мог бы стать решающим катализатором в разработке таких проектов, предоставляя сильные стимулы и структуру поддержки для преподавателей, заинтересованных в междисциплинарном исследовательском сотрудничестве.

4. Обеспечить среду для ядра междисциплинарного исследовательского и преподавательского состава и дисциплинарных посетителей из различных смежных областей. Институту потребуется основная группа сотрудников, начиная от аспирантов и заканчивая старшими профессорами, чья работа будет оцениваться на основе междисциплинарных стандартов качества. Крайне важно, чтобы в этом спектре талантов не было упущено среднее звено: аспиранты и штатные профессора на очень продуктивном этапе своей карьеры, чье продвижение по службе должно отражать, а не уменьшаться их стремлением к качественным междисциплинарным исследованиям. Междисциплинарная работа не должна быть предназначена только для студентов или старших преподавателей, которые преодолели препятствия дисциплинарного продвижения до штатного звания. Присутствие в институте большого числа посетителей из других отделов, институтов и областей поможет привнести новейшие современные дисциплинарные результаты в междисциплинарные исследования. Кроме того, участие в междисциплинарно ориентированных исследованиях может побудить специалистов по дисциплине изменить свои собственные научные программы, ведущие к достижениям в области дисциплинарных исследований, которые иначе были бы невозможны (и, что немаловажно, такие исследования могут открыть новые возможности финансирования для дисциплин).

5. Разрабатывать популяризаторские стратегии для информирования пользователей об исследованиях, полученных в университете, и для информирования исследователей о том, какие исследования наиболее необходимы обществу. Институт мог бы служить связующим звеном между университетом и правительственными чиновниками, лидерами бизнеса, фермерами, защитниками природы и общественностью. Действительно, те пользователи исследовательской информации, на которых влияют глобальные изменения, должны постоянно участвовать в оказании помощи в том, чтобы программа исследований глобальных изменений была осведомлена и сосредоточена на их потребностях. Наконец, такие информационно-пропагандистские мероприятия должны также распространяться таким образом, чтобы помочь тем, кто занимается начальным или средним образованием и кто заинтересован во включении концепций глобальных изменений в свои учебные планы или образовательные программы. Сделать так, чтобы работу наших университетов поддерживали, а не препятствовали, крайне важно для решения проблем глобальных изменений. Чем больше мы откладываем и обсуждаем, как расширить или переориентировать традиционную университетскую структуру, тем больше времени мы теряем в нашей борьбе за понимание и сдерживание глобальных изменений, вызванных деятельностью человека.

Открытие зияющей дыры в озоновом слое над Антарктидой послужило определенной мотивацией для действий. Придется ли нам провести «эксперимент» по глобальным изменениям на самой земле, прежде чем будут предприняты серьезные шаги по изменению наших институтов? И, что более важно, можно ли это сделать вовремя, чтобы внести значительный вклад в понимание и решение проблем глобальных изменений, которые носят не только экологический, но и социокультурный характер?

Список литературы

- 1 Барт Р. Основы семиологии. Структурализм: «за» и «против» / Р. Барт. — М.: Прогресс, 1975. — С. 114–163.
- 2 Швейцер А. Я родился в период духовного упадка человечества. Кризис сознания: сб. работ по «философии кризиса» / А. Швейцер. — М.: Алгоритм, 2009. — 272 с.
- 3 Гиренок Ф. Удовольствие мыслить иначе / Ф. Гиренок. — М.: Академический проект. — 2008. — С. 6–27.
- 4 Гегель Г. Феноменология духа / Г. Гегель. — М.: Азбука, 2019. — 704 с.
- 5 Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. — М.: Neoclassic, 2020. — 354 с.
- 6 Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Библихина. — Харьков: Фолио, 2003. — 503 с.
- 7 Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше. — М.: Neoclassic, 2012. — 384 с.
- 8 Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. — М.: Наука, 1991. — 408 с.
- 9 Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — М.: Ин-т эксперим. социол.; СПб.: Алетейя, 1998. — С. 40.
- 10 Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. — М.: Neoclassic, 2019. — 352 с.
- 11 Большая Советская энциклопедия. — М.: Сов. энцикл., 1969. — 1978 с.
- 12 Леонтьев В. Аксиоматика женской логики / В. Леонтьев // Квантовая магия. — 2005. — № 2. — Вып. 2. — С. 2215–2220.
- 13 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. на рус. яз. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. — М.: Прогресс, 1977. — 488 с.
- 14 Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations? / Samuel P. Huntington // Foreign Affairs. — 1993. — No 72. — P. 3.

Б.И. Карипбаев

Ақпараттық агрессия координаттарындағы білім, ғылым, университет (әлеуметтік-философиялық дискурс тәжірибесі)

Мақалада автор ақпараттық бумдағы ғылымның қазіргі жағдайын, университеттік білім берудің әмбебап институттың моделі ретіндегі рөлін әлеуметтік-философиялық талдаған. Білімнің табиғатын және оның ақпаратпен байланысы зерттелген. «Білім–ақпарат», «білім–даналық», «білім–ғылым» тәрізді параллельдерді түсінуді ұсынады. Мұндай зерттеу координаттарында қазіргі ақпараттық диверсия жағдайында білімнің мағынасын, рөлін, мәртебесін заманауи түсінудің маңыздылығы түсініледі. Автор білімді оның екі әмбебап сипаттамасы — әмбебаптығы мен тұлғасыздығы арқылы бағалайды, бұл білімнің адамның дүниетанымдық жүйесіне ұзақ және берік енуіне мүмкіндік береді. Мақалада білімнің тарихилығы, оның пайда болатын, бар және бекітілген тарихи декорацияларға тәуелділігі мәселесіне көп көңіл бөлінген. Автор ең басты атрибуты ретінде аксиологиялық сипаттағы даналықтан айырмашылығы оның тұлғасыздығын атап өтеді. Авторлық ұстанымдарын растау үшін мақалада қоғамды машина ретінде тұжырымдайтын функционализмнің жақтаушылары Лиотардың ғылыми ұстанымы талданған. Мақаланың тақырыптық кеңістігі аясында автор қазіргі әлемдегі университеттік білім берудің негізгі функцияларына, оның әлемнің ғылыми бейнесін қалыптастырудағы және әмбебап білім алудағы ерекше рөлі мен жауапкершілігіне назар аударған. Автор метакогнитивтік кешендердің дамуымен ХХІ ғасырда университет айналысуы керек екеніне сенімді. Өкінішке орай, Қазақстандағы бүгінгі университеттер өздерінің кәсіби дағдыларын кепілге алған және әдетте, әлемге кеңірек, панорамалық көзқараспен қарауға мүмкіндік бермейтін мамандарды даярлаумен ғана шектеледі.

Кілт сөздер: ғылым, университет, білім, ақпарат, аксиология, білім, даналық, шындық, әмбебаптық, қоғам, тұлға.

B.I. Kariubaev

The knowledge, Science, University in the Coordinates of Information Aggression (Experience of Socio-Philosophical Discourse)

In this article, the author subjects the socio-philosophical analysis of the current state of science in the context of the information boom, the role of university education as a model of a universal institution. The author explores the nature of knowledge and its relationship with information. The article proposes an understanding of the parallels knowledge-information, knowledge-wisdom, knowledge-science. In such research coordinates, there is an understanding of the importance of the modern understanding of the meaning, role, status of knowledge in the conditions of modern information sabotage. The author evaluates knowledge through its two universal characteristics – universality and impersonality, which allows knowledge to exist for a long

time and be firmly integrated into the human worldview system. Much attention in the article is paid to the question of the historicity of knowledge, its dependence on the historical scenery in which it arises, exists and is affirmed. The author notes how the most important attribute is his impersonality, in contrast to wisdom, which is more of an axiological nature. To confirm his author's positions, the article analyzes the scientific position of Lyotard, who is a supporter of functionalism, conceptualizing society as a machine. Within the thematic space of the article, the author draws attention to the main functions of university education in the modern world, its special role and responsibility in shaping the scientific picture of the world and obtaining universal knowledge. The author is convinced that the development of metacognitive complexes, in our opinion, should be dealt with by the university in the 21st century. Unfortunately, today's universities in Kazakhstan are limited only to the training of specialists who are hostages of their professional skills and, as a rule, do not allow a broader, more panoramic look at the world.

Keywords: science, university, knowledge, information, axiology, education, wisdom, truth, universality, society, personality.

References

- 1 Barthes, R. (1975). *Osnovy semiologii. Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Fundamentals of semiology. Structuralism: “for” and “against”]. Moscow: Progress [in Russian].
- 2 Schweitzer, A. (2009). *Ya rodilsia v period dukhovnogo upadka chelovechestva. Krizis soznaniia: sbornik rabot po «filosofii krizisa»* [I was born in the period of the spiritual decline of mankind. The crisis of consciousness: a collection of works on the “philosophy of crisis”]. Moscow: Algoritm [in Russian].
- 3 Girenok, F. (2008). *Udovolstvie myslit inache* [Pleasure thinks differently]. Moscow: Akademicheskii proekt [in Russian].
- 4 Hegel, G. (2019). *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Moscow: Azbuka [in Russian].
- 5 Baudrillard, Zh. (2020). *Obshchestvo potrebleniia* [The consumer society]. Moscow: Neoclassic [in Russian].
- 6 Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremia* [Being and time]. (V.V. Bibikhina, Transl.). Kharkov: Folio [in Russian].
- 7 Nitzshche, F. (2012). *Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe* [Human, All Too Human]. Moscow: Neoclassic [in Russian].
- 8 Ortega y Gasset, J. (1991). *Chto takoe filosofia?* [What is philosophy?]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 9 Lyotard, J.-F. (1998). *Sostoianie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Moscow: Institut eksperimentalnoi sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteia [in Russian].
- 10 Wittgenstein, L. (2019). *Filosofskie issledovaniia* [Philosophical Investigations]. Moscow: Neoclassic [in Russian].
- 11 (1969). *Bolshaia Sovetskaia entsiklopediia* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia [in Russian].
- 12 Leontev, V. (2005). *Aksiomatika zhenskoi logiki* [Axiomatics of female logic]. *Kvantovaia magiia — Quantum Magic*, 2, 2, 2215–2220 [in Russian].
- 13 Foucault, M. (1977). *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. An Archaeology of the Human Sciences]. (V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova, Transl.). Moscow: Progress [in Russian].
- 14 Huntington, Samuel P. (1993). *The Clash of Civilizations?* *Foreign Affairs*, 72, 3